

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.97

Понятие криминальной субкультуры и его практическое значение для борьбы с преступностью

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация: статья посвящена проблемам научного определения такого понятия, как «криминальная субкультура» с учетом его практического значения в деле предупреждения преступности. Актуальность темы обусловлена значительным негативным влиянием криминальной субкультуры на преступность, с одной стороны, и отсутствием данного понятия и его определения в УК РФ при описании составов преступлений, которые непосредственно связаны с реализацией элементов криминальной субкультуры. Отмечается тесная связь распространения криминальной субкультуры с другими современными негативными процессами и тенденциями развития преступности, связанными с использованием современных компьютерных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей. В статье рассматриваются и обсуждаются исторические аспекты и закономерности появления и распространения криминальной субкультуры в России, различные направления и виды данного общественно опасного явления, современные негативные факторы, способствующие его сохранению и существованию. Автор обращает внимание на практическое значение изучения и понимания криминальной субкультуры, в том числе законодательного закрепления определения данного понятия в УК РФ. В результате проведенного исследования автором сформулировано научное определение понятия криминальной субкультуры, а также предложения по его правовому и практическому применению.

Ключевые слова: криминальная субкультура, уголовное право, состав преступления, предупреждение преступности, практическая борьба с преступностью

Для цитирования: Серeda С.П. Понятие криминальной субкультуры и его практическое значение для борьбы с преступностью // International Law Journal. 2025. Том 8. № 7. С. 219 – 225.

Поступила в редакцию: 31 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 5 ноября 2025 г.

The concept of criminal subculture and its practical significance for combating crime

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: the article is devoted to the problems of the scientific definition of such a concept as "criminal subculture", taking into account its practical significance in the prevention of crime. The relevance of the topic is due to the significant negative impact of the criminal subculture on crime, on the one hand, and the absence of this concept and its definition in the Criminal Code of the Russian Federation when describing the composition of crimes that are directly related to the implementation of elements of the criminal subculture. There is a close connection between the spread of the criminal subculture and other modern negative processes and trends in the development of crime related to the use of modern computer technologies, information and telecommunication networks. The article examines and discusses the historical aspect and patterns of the emergence and spread of criminal subculture in Russia, various directions and types of this socially dangerous phenomenon, modern negative factors contributing to its preservation and existence. The author draws attention to the practical importance of studying and

understanding the criminal subculture, including the legislative consolidation of the definition of this concept in the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of the research, the author formulated a scientific definition of the concept of criminal subculture, as well as proposals for its legal and practical application.

Keywords: criminal subculture, criminal law, corpus delicti, crime prevention, practical crime control

For citation: Sereda S.P. The concept of criminal subculture and its practical significance for combating crime. International Law Journal. 2025. 8 (7). P. 219 – 225.

The article was submitted: July 31, 2025; Approved after reviewing: September 29, 2025; Accepted for publication: November 5, 2025.

Введение

Криминальная субкультура представляет собой сложную социальную проблему, требующую комплексного подхода к ее изучению и предотвращению. Она включает в себя набор специфических ценностей, норм и символов, которые формируют поведение членов преступных группировок и оказывают негативное воздействие на общество в целом. Современная ситуация характеризуется ростом популярности криминальной субкультуры среди молодежи, что связано с развитием информационных технологий и доступностью контента, пропагандирующего насилие и антиобщественное поведение. Это создает серьезные вызовы для правоохранительных органов и требует разработки новых подходов к предупреждению и расследованию преступлений, связанных с этой проблемой.

Современные тенденции распространения криминальной субкультуры характеризуются широким использованием интернета для продвижения криминальных идей и формированием молодежной культуры насилия. Примером являются различного рода сообщества в социальных сетях с обширной аудиторией пользователей, которые популяризируют уличную культуру с элементами насилия. Проблема распространения идеологии насилия, криминальной субкультуры, безусловно, существует также и в исправительных учреждениях. Как отмечают отдельные специалисты, потенциал распространителей идеологии насилия ориентировочно составляет около 30% лиц, осужденных за экстремистско-террористические преступления [1].

Официальная статистика по отдельным преступлениям, в той или иной степени связанным с влиянием криминальной субкультуры, вызывает опасения и требует усиления противодействия. Так, в 2024 году было зарегистрировано: 3714 преступлений террористического характера (+55,9%) и 1719 преступлений экстремистской направленности (+28,3%); 898 преступлений по ст. 205.2. УК РФ (+63,9%); 447 преступлений по ст. 280 УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации (+21,8%) [2]. В 2024 году из 666260 (-11,2%) лиц, совершивших преступления, выявлено: 375086 лиц, ранее совершавших преступления, из них ранее судимых за преступления - 192488, признанных опасным или особо опасным рецидивом - 12700; 77620 (-11,6%) лиц, совершивших преступления в составе группы, в том числе организованной группы либо преступного сообщества - 13891 (+5,3%)[2].

Упомянутые негативные процессы подчеркивают необходимость совершенствования правовых механизмов и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в борьбе с криминальной субкультурой. Актуальной задачей является разработка практических мер по применению уголовно-правовых средств противодействия криминальной субкультуре и квалификации преступлений, связанных с ней. Современные тенденции распространения криминальной субкультуры требуют комплексного подхода к профилактике и противодействию её распространению в обществе, особенно среди молодежи.

Однако для эффективного применения уголовно-правовых и иных мер противодействия криминальной субкультуре необходимо точное понимание, обоснование и законодательное закрепление такого ключевого понятия в данной области, как криминальная субкультура, которое отсутствует и не упоминается в основных нормативных правовых актах, в том числе и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) [3]. В связи с этим необходимо исследование понятия криминальной субкультуры, определение его сущности, его теоретического, правового и практического значения.

Цель нашего исследования видится в определении содержания понятия криминальной субкультуры и определении его роли, места, теоретико-правового и практического значения в области противодействия преступности.

Задачи – провести теоретическо-правовое исследование смыслового содержания и значения понятия «криминальная субкультура», определить его исторические истоки, правовое и практическое значение,

сформулировать практические рекомендации по правовому применению рассматриваемого понятия и его особенностей.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что для эффективной борьбы с преступлениями, основанными на преступной идеологии и направленными на ее распространение и пропаганду, требуется правильное понимание и определение понятия криминальной субкультуры, а также его правовое закрепление и учет.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании применены как теоретические методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция), так эмпирические методы исследования, основанные на анализе источников научной литературы и законодательства.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, научная, правовая литература, официальные статистические данные

Результаты и обсуждения

Криминальную субкультуру следует рассматривать как систему ценностей, норм, ритуалов и коммуникативных практик, формирующихся в замкнутых группах, противопоставляющих себя обществу и легальным социальным институтам. Системный анализ структуры криминальной субкультуры позволяет констатировать её значительную роль в воспроизводстве преступности. Как справедливо отмечают отдельные специалисты, ключевые элементы криминальной субкультуры включают в себя: криминальную идеологию (оправдание преступного поведения); специфический криминальный язык (жаргон); криминальную иерархию («воры в законе», «смотрящие»); криминальные ритуалы (посвящение, «прописка» в тюрьмах) [4].

Изучение криминальной субкультуры имеет практическое значение для правоохранительных органов, поскольку позволяет: во-первых, выявлять лидеров организованных преступных групп; во-вторых, прогнозировать конфликты между осужденными, в том числе посредством внедрения системы оценки «напряжённости» на основе анализа жаргона. Программы, учитывающие субкультурные криминальные особенности, снижают пополнение рядов организованных преступных группировок. Например Гуров А.И. в своих работах раскрывает методы нейтрализации так называемых «воровских сходок» через внедрение агентов в криминальную среду, в том числе на основании изучения и анализа элементов криминальной субкультуры [5].

Как справедливо отмечает Кузьмин С.И., для того чтобы лучше познать современную преступность изнутри, оценить ее качественное состояние, необходимо изучать уголовную среду через присущую ей субкультуру, являющуюся неотъемлемым компонентом устойчивого противоправного поведения, зависящего от целого ряда обстоятельств и факторов [6].

Криминальные сообщества адаптируются к технологиям, используют социальные сети, цифровые технологии и информационные ресурсы для вербовки, для обмена зашифрованными посланиями, для отмывания преступно нажитых денежных средств и ресурсов. Это требует разработки адресных профилактических программ, совершенствования оперативно-розыскной деятельности, борьбы с цифровизацией преступных сообществ и другими негативными проявлениями и угрозами со стороны преступного мира.

Анализ криминальных субкультур в России последних лет свидетельствует о процессах расслоения внутри преступных сообществ. Это расслоение привело к формированию замкнутых преступных групп с уникальными нормами: от профессиональных воров до наркокартелей. Участники отдельных преступных сообществ подразделяются на «бригады» по специализациям (рэкет, контрабанда), каждая из которых может соблюдать собственный кодекс, включая запрет на сотрудничество с правоохранителями. Научные исследования криминальной субкультуры в России последних десятилетий во многом совпали по времени со значительными негативными стратификационными процессами, происходящими в преступной среде. Эти процессы и явления привели к тому, что представители различных криминальных групп – профессиональные преступники, участники организованной преступности, наркозависимые лица и другие категории преступников – в определенной степени обособились друг от друга и стали руководствоваться собственными, специфическими ценностями, нормами и традициями, в значительной степени характерными именно для данной группы. Можно говорить о субкультуре профессиональных преступников, субкультуре организованной преступности, субкультуре наркозависимых, субкультуре экстремистов и террористов и других группах.

Субкультура представляет собой систему ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая характерна для определенной социальной группы. Она отличается от господствующей в обществе культуры, но в то же время связана с ней. Эти отличия могут проявляться в особом языке, моде, музы-

кальных предпочтениях, досуговых занятиях и других аспектах жизни группы. С криминологической точки зрения, субкультуры можно рассматривать как структурные и функциональные образования, которые выделяют лиц, принадлежащих к ним, из общей массы населения. Представители субкультуры, как правило, ощущают тесную связь и взаимопонимание внутри своей группы, что укрепляет их чувство общности и отличия от остальных членов общества. Эти обособленные группы могут иметь свои неформальные нормы, правила и ритуалы, которые противоречат общепринятым социальным установкам.

Криминальная субкультура – это альтернативная система координат, объединяющая участников через общие ценности, сленг и ритуалы. Например, в отдельных случаях участники преступных сообществ идентифицируют себя через татуировки с хищными птицами, животными, а в переписке используют соответствующие зашифрованные термины, используют методы психологического давления и символику для устрашения [7]. Эти атрибуты служат «маркерами» принадлежности к группе, что требует проверки и подтверждения экспертизой лингвистов.

Феномен криминальной субкультуры уходит корнями в ранние формы организованной преступности. Исторически криминальные субкультуры возникали как ответ на социальные изменения. Хотя термин «субкультура» и относительно молодой, концепция криминальной субкультуры имеет гораздо более древние корни. Само явление криминальной субкультуры уходит своими истоками к самым ранним проявлениям преступности в человеческом обществе. Еще в древних цивилизациях можно проследить формирование особых групп, объединенных преступными интересами и выработавших собственные нормы, ритуалы и язык общения. Эти группы обособлялись от основной массы населения, создавая свою замкнутую систему ценностей и правил поведения. По мере развития и усложнения социальных структур, криминальные субкультуры также эволюционировали, приобретая все более организованные и иерархические формы. Так, в Средние века и эпоху Возрождения довольно четко прослеживаются элементы криминальной субкультуры в различных тайных преступных сообществах, промышлявших разбоем, воровством и другими противоправными деяниями. В Средние века цехи воров в Европе имели уставы, напоминающие современные «понятия» – например, запрет на кражи у своих, а впоследствии, в индустриальную эпоху, криминальные субкультуры приобрели новые черты, тесно связанные с урбанизацией и развитием организованной преступности [8]. В России артели конокрадов XIX века, например, структурировались по принципу мастер-ученик, что позже легло в основу иерархии «смотрящих» в зонах [9].

Первым отечественным исследователем криминальной субкультуры можно назвать Ф.М. Достоевского. В его повести «Записки из Мертвого дома», опубликованной в 1861 году, подробно отражены яркие впечатления писателя от пережитого и увиденного во время его четырехлетнего заключения на каторге в Сибири, в омском остроге, куда он был сослан за участие в кружке петрашевцев. Достоевский глубоко изучил специфику жизни заключенных, их взаимоотношения, традиции, язык, обычаи и нравы, которые формировали своеобразную криминальную субкультуру [10]. Примерно в то же самое время, в середине XIX века, в юридической литературе начинают появляться первые упоминания об организованных группах преступников, в частности, об артелях воров и конокрадов, что свидетельствует о формировании и развитии преступных сообществ, обладающих своими устойчивыми традициями и нормами поведения. Продолжая традицию Достоевского, криминальную субкультуру и ее особенности также исследовал А.П. Чехов в своем произведении «Остров Сахалин», где он детально описал быт и нравы каторжников на острове Сахалин, отбывавших наказание в тяжелых условиях дальневосточных исправительных учреждений [11]. Отдельные особенности советской уголовно-исполнительной системы советского периода нашли отражение в произведениях В.Т. Шаламова, чьи личные трагические истории заключения в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа позволили ему глубоко проникнуть в суровую реальность пенитенциарной системы и ее влияние на формирование криминальной субкультуры в советских лагерях, выявить преемственность криминальных норм [12].

Изучение криминальной субкультуры представляет значительные трудности по ряду фундаментальных причин. Во-первых, она отличается высокой степенью изменчивости и гибкости, способностью быстро адаптироваться к любым трансформациям социальной, экономической и правовой среды. Преступный мир на протяжении всей истории человечества демонстрирует удивительную способность эволюционировать и модифицировать свои формы, методы и стратегии в соответствии с меняющимися условиями. Эта непостоянность и текучесть криминальной субкультуры затрудняет ее исследование, так как объект изучения находится в состоянии перманентной трансформации. Во-вторых, криминальная субкультура тяготеет к максимальной конспирации и сокрытию своих внутренних механизмов, ритуалов и кодексов. Это объясняется осознанным стремлением преступников скрыть свою противоправную деятельность от правоохранительных органов и общества в целом. Кроме того, преступники формируют для себя альтернативную си-

стему ценностей, зачастую диаметрально противоположную общепринятым нормам морали и права. Эта своеобразная «тайна за семью печатями» становится дополнительным барьером на пути изучения криминальной субкультуры, на что справедливо обращают внимание отдельные авторы [13].

Изучение криминальных субкультур осложняется их адаптивностью. Например, после того, как Решениями Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 и 02.10.2020 общественные движения «Арестантское уголовное единство» «Арестантский уклад един» «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е. были признаны экстремистскими», участники данных преступных сообществ переместились в том числе Telegram-каналы, используя стикеры вместо сленга [14]. Примером являются криптопреступные группы, участники которых маскируют так называемый «общак» под легальные средства, демонстрируя способность интегрировать традиционные схемы в цифровую среду.

Криминальная субкультура, как явление, характеризуется набором негативных и деструктивных элементов. Она пропагандирует и поощряет противоправное поведение, легитимизируя нарушение закона и насилие как приемлемые способы достижения целей. Это ведет к распространению преступности и подрыву основ правового государства. Также она насаждает деформированные нормы и ценности, чуждые общепринятой морали. Она культивирует эгоизм, жестокость, презрение к человеческой жизни и достоинству. Это подрывает социальную солидарность и этические устои общества. Стоит и отметить тот факт, что криминальная среда навязывает своим членам строгие иерархические порядки и жесткую систему насильственного подчинения. Это лишает людей индивидуальной свободы, ограничивает их права и возможности самореализации. Также криминальная субкультура активно вовлекает молодежь, формируя у нее антисоциальные установки и криминальные навыки. Это препятствует нормальной социализации подрастающего поколения, угрожая будущему всего общества, на что справедливо указывают некоторые авторы [15].

Одновременно следует отметить, что криминальная субкультура представляет собой систему деструктивных практик, оправдывающих незаконные действия как норму. Насилие в преступных группировках становится инструментом самоутверждения. Подобные группы формируют альтернативную мораль. Жесткая иерархия таких сообществ лишает их участников свободы выбора.

Вовлечение молодежи – ключевой механизм воспроизводства криминальных структур. В отдельных случаях, например, подростков вербуют через TikTok-ролики с использованием воровского сленга, маскируя пропаганду под «крутой» образ жизни. При этом участники подобных групп ранее не имели судимостей, что подтверждает эффективность цифровых методов вербовки со стороны лидеров и организаторов преступных сообществ.

Таким образом практическое значение исследований понятия и социального явления криминальной субкультуры заключается в возможности осуществления и обеспечения:

- во-первых, профилактики в рассматриваемой области;
- во-вторых, специфики подходов в рассматриваемой области, выявлять лиц, скрывающихся под легальным статусом, пресекать деятельность организованных преступных группировок;
- в-третьих, применение современных технологий противодействия криминальной субкультуре, в том числе для анализа даркнет-чатов, социальных сетей, сайтов в сети Интернет в целях выявления подобных случаев и увеличения раскрываемости дел о вербовке несовершеннолетних и иных лиц.

Криминальная субкультура – это враждебная правовому порядку система, где преступная деятельность романтизируется, а её участники используют псевдокорпоративные структуры для легализации доходов и вовлечения новых членов.

Выводы

Подводя итог можно сделать вывод, что глубокое понимание особенностей и специфики криминальной субкультуры могло бы оказать значительную помощь в разработке и реализации целенаправленных мер по противодействию преступности. В частности, при организации профилактической и предупредительной работы крайне важно учитывать существующую дифференциацию криминальной субкультуры на различные виды и направления. Это позволит более точно определять целевые группы для профилактического воздействия, а также разрабатывать адресные меры, учитывающие особенности менталитета, традиций, ценностей и норм поведения представителей различных криминальных сообществ. Помимо этого, детальное изучение криминальной субкультуры открывает возможности для выявления ее скрытых механизмов функционирования, иерархической структуры, каналов трансляции криминальных установок и вовлечения новых членов. Это, в свою очередь, позволит совершенствовать методы предупреждения и противодействия распространению криминального влияния, особенно среди уязвимых слоев населения, в том числе несовершеннолетних. В том числе, практическое значение для эффективной борьбы с преступностью имеет и законодательное закрепление и использование понятий криминальной субкультуры, в том числе в УК РФ.

При этом под криминальной субкультурой, на наш взгляд, следует понимать негативное социальное явление, систему криминальных ценностей, установок, социальных связей, отношений, способов поведения и жизненных стилей, которая характерна для криминальных социальных групп и отдельных граждан, одобряющих и поощряющих совершение преступлений, в том числе рассматривающих и выбирающих преступную деятельность в качестве желаемого и основного рода своей деятельности, противопоставляющих преступную деятельность и криминальные взгляды законному общественному порядку, защищаемому государством.

Список источников

1. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. «Распознавание лиц, склонных к распространению экстремистской идеологии в местах лишения свободы» // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 600 – 615.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 18.06.2025)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 31.07.2025) // Собрание законодательства. 1996. № 25, ст. 2954.
4. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. 240 с.
5. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. 304 с.
6. Кузьмин С.И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 43. С. 9 – 16.
7. Китайгородский Е.А. Экстремистская преступность представителей этнических диаспор // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 45 – 52.
8. Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 100 – 103.
9. Зарубина К.А. Конокрадство как опасный криминальный промысел в дореволюционной России // Учёные записки Крымского федерального университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 61 – 65.
10. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л., 1988. Т. 3. 330 с.
11. Чехов А.П. (1860-1904.). Остров Сахалин: (Из путевых записок) / Авт. предисл. В.Б. Катаев. Репр. воспр. 1-го изд. Южно-Сахалинск: Упр. культуры и туризма Администрации Сахал. обл. : Сахал. центр документации новейшей истории, 1995. 520 с.
12. Шаламов В.Т. Очерки преступного мира. Вологда: Грифон, 2000. 173 с.
13. Котельникова О.В., Котельников М.М. Профессиональная преступность и криминальная субкультура // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы IX международной научно-практической конференции, Тамбов, 23-24 апреля 2020 года / Редкол.: Э.Ю. Кузьменко и др. Тамбов, 2020. С. 257 – 263.
14. Галахов С.С. «Арестантское уголовное единство» – проблемы и практика организации оперативно-розыскного противодействия // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 79 – 86.
15. Пономарев С.Б. Криминальная субкультура глазами этолога // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 8 (255). С. 56 – 65.

References

1. Bovin B.G., Kazberov P.N., Dikopoltsev D.E. "Recognition of individuals prone to spreading extremist ideology in places of detention". Psychology and Law. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 600 – 615.
2. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2024: official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (date of access: 18.06.2025)
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025). Collected Legislation. 1996. No. 25, Art. 2954.
4. Koretsky D.A., Tulegenov V.V. Criminal Subculture and Its Criminological Significance. St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. 240 p.
5. Gurov A.I. Professional Crime: Past and Present. Moscow: Legal Literature, 1990. 304 p.
6. Kuzmin S.I. Formation and Development of the Criminal Subculture in Russia. Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2018. No. 43. P. 9 – 16.

7. Kitaygorodsky E.A. Extremist Crime of Representatives of Ethnic Diasporas. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 45 – 52.
8. Shemyakina V.V. Historical aspect of the emergence, formation, and development of a criminal subculture. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 7 (145). P. 100 – 103.
9. Zarubina K.A. Horse stealing as a dangerous criminal trade in pre-revolutionary Russia. Scientific notes of the Crimean Federal University. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 61 – 65.
10. Dostoevsky F.M. Collected works: in 15 volumes. Leningrad, 1988. Vol. 3. 330 p.
11. Chekhov A.P. (1860-1904). Sakhalin Island: (From travel notes). Auth. Preface by V.B. Kataev. Rep. of the 1st ed. Yuzhno-Sakhalinsk: Department of Culture and Tourism of the Sakhalin Region Administration: Sakhalin Center for Documentation of Recent History, 1995. 520 p.
12. Shalamov V.T. Essays on the Criminal World. Vologda: Griffin, 2000. 173 p.
13. Kotelnikova O.V., Kotelnikov M.M. Professional Crime and Criminal Subculture. Actual Problems of Criminal Law, Criminology, Criminal Procedure and Criminal-Executive Law: Theory and Practice: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Tambov, April 23-24, 2020. Editorial Board: E.Yu. Kuzmenko et al. Tambov, 2020. P. 257 – 263.
14. Galakhov S.S. “Prisoner Criminal Unity”: Problems and Practices of Organizing Operational-Investigative Counteraction. Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (53). P. 79 – 86.
15. Ponomarev S.B. Criminal Subculture through the Eyes of an Ethologist. Bulletin of the Criminal Executive System. 2023. No. 8 (255). P. 56 – 65.

Информация об авторе

Серeda С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Серeda С.П., 2025